

DOI 10.19181/nko.2021.27.1.3

УДК 323.2, 316.346.2

А. О. Лазукина¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия

ДОВЕРИЕ К ОРГАНАМ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются различия выбора поведенческих паттернов на основе социального доверия и недоверия у мужчин и женщин. Суть рассматриваемой проблемы состоит в том, что пока мало кто из исследователей изучал недоверие как феномен, характерный для россиян, и практически никто не рассматривал разницу в характерности доверия/недоверия для мужчин и женщин и влияние этих показателей на уровень социально-психологического самочувствия населения, и как следствие, на социальную напряженность в обществе (если рассматривать эту проблему в ключе доверия и недоверия власти). В материале анализируются исследования по вышеуказанной тематике, проведенные в декабре 2020 года в г. Санкт-Петербург.

Изучение изменений в уровне доверия показали, что в северной столице уровень недоверия федеральной власти у женщин увеличился гораздо серьезнее, чем у мужчин, а небольшой экскурс в историю и аналогии с революционными ситуациями прошлого заставляют задуматься об устойчивости нынешней системы и необходимости властным структурам предпринимать серьезные меры для урегулирования взрывоопасной ситуации. Особо остро проблема стоит в Санкт-Петербурге, т.к. непопулярные действия местных властей во время пандемии COVID-19 создали предпосылки повышенной нагрузки именно на женщин, которым нужно было фактически самостоятельно заниматься обучением детей, продолжать работать в новых условиях и фактически полностью обеспечивать жизнедеятельность всей семьи в жестких условиях изоляции и психологического и информационного давления.

Анализируя данные исследования и ситуацию в целом, автор приходит к выводу о необходимости в нынешних сложных условиях властям больше уделять внимание положению женщин и увеличить адресные мероприятия поддержки для улучшения социально-психологического самочувствия населения.

Ключевые слова: доверие, недоверие, мотивы объединения, протестное поведение, гендер, гендерные фрейм, политическое пространство, социально-психологическое самочувствие.

Для цитирования: Лазукина А. О. Доверие к органам власти в период пандемии: гендерный аспект // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 33-44. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.3

Статья посвящена особенностям гендерного выбора поведенческих паттернов на основе социального доверия и недоверия и влияние данного аспекта на степень доверия к ор-

ганам власти. Суть рассматриваемой проблемы в том, что пока мало кто из исследователей изучал недоверие в качестве характерного для россиян феномена, и практически никто не

рассматривал разницу в характерности доверия/недоверия для мужчин и женщин. На изучении именно этих вопросов мы сконцентрировались в ходе исследований, которые были проведены в декабре 2020 года в Санкт-Петербурге.

Вопросы эти представляются чрезвычайно важными, поскольку, **во-первых**, значимость нарастающего социального недоверия в современном российском обществе столь высока, что может играть основную роль в качестве стимула социальных перемен; **во-вторых**, в процессе борьбы за равные права женщин и мужчин в течении последних 150 лет, мало кто задумывался об этом аспекте разницы между мужчинами и женщинами с точки зрения дихотомии доверие/недоверие; **в-третьих**, сложнейшая социально-экономическая ситуация 2020 года, вызванная пандемией COVID-19 и осложнённая социально-политическими протестами, вызывает определённую настороженность из-за возникающих исторических аналогий с началом прошлого века.

Сегодня тема социального доверия и недоверия актуальна как никогда, о чем свидетельствуют не только социологические исследования, но и явная озабоченность власти этим вопросом [1]. 4 февраля 2021 года вышел новый ежегодный указ президента страны о ключевых показателях эффективности деятельности руководителей регионов страны, который был подписан и опубликован на сайте Кремля. Уже второй год в списке из 20 показателей на первом месте стоит «Доверие к власти».

Этот факт не вызывает удивления, поскольку Россия уже не первый год занимает последнее место во всемирном Рейтинге Доверия к общественным институтам и институ-

там власти, ежегодно формируемом в рамках проекта американской исследовательской компании Edelman уже на протяжении 20 лет. По данным рейтинга, индекс доверия россиян за 2019 год составил 29 баллов из 100, что ниже, чем в предыдущем 2018 году на 7 пунктов¹. Таким образом, Россия заняла не только первое место с конца в рейтинге Доверия, подтвердив свое лидерство по недоверию, но и стала лидером по уровню роста этого показателя.

Таким образом, нельзя отрицать факт того, что россияне испытывают недоверие к общественным институтам больше всех в мире. Ряд исследований доказывает, что у этого феномена есть свои культурно-исторические предпосылки. Так, С. Е. Вершинин приходит к этому через раскрытие архетипической составляющей и исторической обусловленности значимости понятия «недоверие» в русской культуре до периода прихода демократических ценностей в политическое пространство нашей страны. Он говорит о «недоверии» как о ведущей социальной ценности советского периода и раскрывает этнокультурные особенности восприятия дихотомии понятий «доверие» и «недоверие» в рамках исторического экскурса [2].

Сразу следует отметить, что существуют не только социокультурные основы недоверия, имеют место, в том числе, те взгляды и паттерны поведения, которые были заложены в общественное сознание политической доктриной, долгое время формировавшей политическое пространство территории нашей страны, в частности, марксистско-ленинской политической философией. Воззре-

¹ The 2020 Edelman Trust Barometer // Edelman. 19.01.2020. URL: <https://u.to/Uk4cGw> (дата обращения 13.01.2021).

ния Маркса, в большинстве своем, являются философией подозрения, онтологически аргументированной и основанной на отчуждении [3, с. 472-473]. Опираясь на этот послыл, он, в своей работе, выстраивает цепочку социально-политических отношений советского периода в обществе: от легитимизации феномена социального подозрения до активации и поощрения социальной критики, которая выступает и по сей день в форме полноценной процедуры для анализа деятельности, как отдельных индивидов, так и общества в целом [4, с. 65].

Архетипический контекст недоверия в российском обществе подкрепляется и другими исследователями. Однако, этот феномен имеет «вирусный» характер, то есть до какого-то момента он находится в «спящем состоянии», а в «благоприятной» среде нарастает. По мнению Г. М. Заболотной [5], триггером «пробуждения» социального недоверия является снижение качества жизни.

Сегодня уже очевидно, что архетип социального недоверия разбужен и набирает силу, о чём свидетельствуют результаты недавних опросов. Так, АНО «Левада-центр» провел исследование в конце января – начале февраля 2021 года, где среди опрошенных респондентов президенту страны доверяют больше всего только 29%². О тревожных симптомах в обществе свидетельствуют и данные ВЦИОМ, где очевидно, что динамика доверия руководителям страны падает, а недоверия – нарастает³.

В ноябре-декабре 2020 года было проведено исследование, посвященное оценке значимости женщинами

и мужчинами – жителями Санкт-Петербурга – социального доверия и недоверия после почти года пандемии, а также степени их доверия к людям из разных социальных страт, поскольку, как мы уже писали выше, эта тема представляется нам не только важной, но и мало изученной. Исследование проводилось в рамках проекта «*TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics*», который был инициирован Датским институтом культуры. Финансирование исследовательской части проекта проводилось р/а Нева, а полевые работы были организованы ИК «ВЛ Групп». В качестве основного метода исследования был выбран онлайн опрос, выборка составила 2500 респондентов (статистическая погрешность выборки $\pm 3\%$), среди которых было опрошено 1160 мужчин (46,4%) и 1340 женщин (53,6%), в возрасте от 16 до 70 лет, что коррелирует с данными генеральной совокупности (население Санкт-Петербурга).

В данной статье мы не будем останавливаться на всех аспектах данных, полученных в ходе этого исследования, но обратим внимание на моменты, которые представляются нам особенно значимыми в контексте поднятой проблематики. Ведь именно уровень социального недоверия становится ключевым фактором формирования турбулентности в политическом пространстве территорий. Чем выше его уровень, тем выше социальная напряженность, размывание устоявшихся ценностных ориентиров, турбулентность политического пространства. [5, с. 71]. Именно на оценке этого показателя мужчинами и женщинами мы и сконцентрируемся в данной статье.

В последние году все больше исследований, которые сконцентриро-

² Президентские рейтинги и положение дел в стране // Левада-Центр. 04.02.2021. URL: <https://u.to/UVIcGw> (дата обращения 09.02.2021).

³ Доверие политикам // ВЦИОМ. URL: <https://u.to/1IcGw> (дата обращения 09.02.2021).

ваны на возрастных гендерных группах, и меньше тех, кто говорит о той огромной разнице восприятия действительности и реакции на те или иные социальные явления, которая характерна для гендерных фреймов. Есть тренд на размывание границ между полами, в то время как мужчины и женщины очень разные по своим физиологическим особенностям, по психологическим реакциям и по социальным паттернам поведения, о чем написала в своей блистательной книге «Невидимые женщины».

Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных» британская исследовательница Кэролайн Криардо Перес [6].

Первое, что хотелось бы отметить, большинство участников исследования как мужчины, так и женщины сошлись во мнении, что «Доверие важно во всех сферах жизни, так как это основная система социальных отношений в обществе», согласившись с этим высказыванием в той или иной степени (см. рис. 1).

Рисунок 1. Сводная диаграмма оценок степени согласия с высказываниями по теме «Доверие», где 1 совершенно не согласен, а 5 – полностью согласен

Источник: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

В то же время 25% мужчин сочли (поставили оценку «5» или «4»), что доверие важно только в личных отношениях, а среди женщин таких респондентов оказалось значительно меньше – лишь 17,2%. Кроме того, 57,8% мужчин согласились (поставили оценку «5» или «4») с высказыванием о том, что доверять в нашей жизни нельзя никому, а среди женщин этот процент оказался ниже (54,5%). Еще большая разница в оценках наблюдается между представителями рассматри-

ваемых гендеров относительно высказывания «Большинство людей попытались бы обмануть, если бы им представилась такая возможность» – 38% (Топ-2 среди мужчин) и 21% (Топ-2 среди женщин). Разница, как мы видим, весьма значима – 17 п.п. Это отражение феномена «социального подозрения», о котором мы писали выше, как об архетипически значимом для жителей нашей страны. При этом очевидно, что мужчины более склонны к недоверию, чем женщины.

Этот факт подтверждается всеми полученными данными в ходе исследования. Так участникам исследования задавался вопрос о том, какова их самооценка изменений за последний год в плане собственного доверия к тем или иным людям из разных социальных групп (см. таб. 1). Результаты показали, что 15,9% участников исследования стали меньше доверять всем вокруг

по сравнению с предыдущим годом. Хотя 72,7% участников исследования считают, что степень их доверия к окружающим никак не изменилось, а 6,7% респондентов отметили, что их доверие даже возросло. Для нас в данном случае интересен факт гендерных различий. Для наглядности мы разместили данные по снижению степени доверия в сводную таблицу.

Таблица 1

Оценка роста недоверия к людям из разных социальных групп за прошедший год
(% положительных ответов про уменьшение доверия от общего числа респондентов)

Стал/стала больше не доверять	В среднем	Мужчины	Женщины
Близким родственникам (b)	3,2	3,7	2,6
Знакомым (n)	4,8	6,0	3,7
Жителям Скандинавии (q)	5,2	8,6	2,2
Сотрудникам спасения (r)	6,0	6,9	5,2
Друзьям (a)	6,8	8,6	5,2
Учителям, преподавателям (f)	8,0	8,2	7,8
Социальным работникам (g)	8,4	12,1	5,2
Сотрудникам, с которыми работаете (c)	9,6	11,2	8,2
Соседям (j)	9,6	13,8	6,0
Сотрудникам Общественного транспорта (u)	11,2	12,9	9,7
Продавцам в магазине (p)	12,8	13,8	11,9
Сотрудникам туристических компаний (o)	14,4	15,5	13,4
Сотрудникам Страховых компаний (i)	14,4	17,2	11,9
Банковским служащим (h)	16,0	20,7	11,9
Руководству учреждения, где вы работаете (d)	18,0	22,4	14,2
Сотрудникам служб ЖКХ	19,2	21,6	17,2
Врачам (e)	20,0	22,4	17,2
Сотрудникам полиции	22,0	25,0	19,4
СМИ (w)	33,6	33,6	33,6
Руководству района, где Вы живете (k)	23,2	23,3	23,1
Руководству города (l)	41,2	34,5	47,0
Руководству страны (m)	41,6	35,3	47,0

Источники: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

В ходе исследования были выявлены группы респондентов, у которых повысилась недоверие к окружающим людям. Такие жители Санкт-Петербурга встречаются как среди мужчин, так и среди женщин, однако, как

наглядно демонстрируют данные таблицы 1, мужчины в значительно большей степени подозрительны и недоверчивы. Их оценка роста собственного недоверия к людям распространяется практически на все социальные

группы, и она почти во всех случаях (в 20 из 22 групп) превышает оценку роста собственного недоверия к окружающим у женщин. Есть исключение из сформированного тренда, оно представляет некоторый парадокс: у женщин значительно в большей степени выросло недоверие к власти, а именно, к руководству страны и руководству города. Разница с мужчинами составляет порядка 13 п.п.

Опасность высокой степени недоверия заключается в том, что оно как ржавчина подтачивает общество изнутри и одновременно запускает процессы турбулентности в политическом пространстве территорий, так как нарастание этого феномена становится основой для протестного поведения. Особенно опасно нарастание протестного поведения среди женщин. Ведь именно женские протесты стали триггером Великой русской революции 2017-2022 гг., как писал в своих мемуарах Лев Троцкий и большевик Василий Каюров в своих записках о событиях того времени [7]. Позже Троцкий писал в «История русской революции»: *«они шли на кордоны солдат смелее, чем мужчины, хватались за винтовки, просили, почти приказывали: «Бросайте ружья и присоединяйтесь к нам»* [8].

Если развернуть политическое время вспять, мы увидим, что эпизод первый Февральской революции начался с беспорядков 23 февраля (8 марта по новому стилю), именно в день, когда сегодня мы празднуем «Международный день трудящихся женщин». Об этом событии будущий великий социолог Питирим Сорокин, а тогда еще совсем молодой человек, записал в своем дневнике следующее: *«Если будущие историки захотят узнать, кто начал русскую революцию, то им не следует создавать запутанной теорией. Революцию начали голодные*

женщины и дети, требовавшие хлеба. Они начали с крушения трамвайных вагонов и погрома мелких магазинчиков. И только позже, вместе с рабочими и политиками, они стали стремиться к тому, чтобы разрушить мощное здание русского самодержавия» [9]. Эта простая и понятная истина многократно опровергалась историками и социологами, события тех дней многократно переписывались, но факты есть факты и не стоит их игнорировать.

Обострение у женщин такого рода протестного поведения, основанного на недоверии к власти, формируется под влиянием целого ряда системных факторов, изменение которых оказывается критичным для жизнедеятельности и влияют на социально-психологическое состояние, так как они полностью меняют среду обитания и пространственные контексты. Мы сравнили состояние этих системных факторов на февраль 2021 года и февраль 1917 года (см. таб. 2).

Итак, сравнение изменения системных факторов в таблице двух периодов: на февраль 2021 года и на февраль 1917 года (с разницей в 104 года) показывает тренд на нарастающую опасность для существующей власти. Этот эффект можно назвать кризисом социально-психологического состояния, которое определяется не только удовлетворённостью всеми составляющими качества жизни, которые однозначно пострадали как во время пандемии, так и в преддверии Февральской революции, но реализацией социальной справедливости при распределении социального вознаграждения [10]. Здесь как раз и кроется, с нашей точки зрения, самый опасный в социально-политическом плане сюжет. Ведь именно женщины, утратившие доверие к самодержавию, свергли его в феврале 1917 года.

Таблица 2

Сравнение системных факторов, которые оказываются критическими для формирования протестного поведения у женщин

Системные факторы	Состояние системных факторов на февраль 2021 года	Состояние системных факторов в период февральской революции 1917 года
Социальные факторы, где в основе стиль жизни и взаимоотношений в обществе, система коммуникаций и взаимодействий и т.д.	Полностью поменялся стиль жизни и взаимоотношений в обществе (изоляция), система коммуникаций и взаимоотношений перешла в онлайн	Промышленная революция и Первая мировая война изменили привычный уклад жизни женщин в России. Они вынуждены работать и обеспечивать семью.
Экономические факторы	Падение рубля, падение экономики, повышение стоимости продуктов, пострадали услуги, где задействованы женщины	Полное обнищание и нехватка продовольствия в столице России
Культурологические факторы, где в основе ценности, принципы, герои и архетипы, поведенческие паттерны, символы, традиции и т.д.	Смена традиционных парадигм, новые герои, новые информационные потоки, фрагментарность и одновременная доступность любой информации, обесценивание СМИ, как правдивого источника информации, масочный режим, институализация новых гендерных фреймов.	Сексуальная революция, движение суфражисток и других течений за равноправие женщин. Полная смена гендерных поведенческих паттернов и установок.
Институциональные факторы	Власть теряет влияние на массы и не способна обеспечить запросы для обеспечения нормальной повседневной жизни: снять масочный режим, обеспечить достойной заработной платой ключевые «женские» профессии: учителя, врачи и т.п. Расслоение доходов населения на всех уровнях, включая региональный [1].	Власть теряет влияние на массы и не способна обеспечить запросы для обеспечения нормальной повседневной жизни: остановить войну, обеспечить продовольствием население.
Средовые факторы	Пандемия (коронавирус), изоляция и переход в онлайн, нарастание протестного поведения, политический раскол в обществе	Война, пандемия (Испанка, тиф), нарастание протестного поведения, политический раскол в обществе на патриотов и пацифистов

Что касается современности, рост недоверия со стороны женщины связан с тем, что достаточно продолжительные условия экономического характера на фоне пандемии создали слишком большое напряжение поля неопределенности, порожденное угрозами нищеты и смерти. Г. М. Заболотная в своей статье пишет, что ухудшение условий среды обитания жителей территорий, обнищание и отсутствие перспектив развития превращают ситуативно-психологический феномен, которым является социальное недоверие, в одну из характеристик массового сознания [5, с. 72], что полностью меняет предпосылки,

обеспечивающие жизнеспособность политического пространства [11]. Это нашло отражение и в проведенном нами исследовании (см. табл. 3).

Женщины за 2020 год в большей степени, чем мужчины почувствовали ухудшение финансового положения. При этом разница составила 9,7 п.п. Интересным здесь представляется тот факт, что гендерные различия в отношении оценки состояния своего психического здоровья и как следствие социально-психологического состояния оказались гораздо более значительны. Они составляют 20,5 п.п. между мужчинами и женщинами (см. табл. 4).

Таблица 3

Оценка изменения финансового положения за прошедший год (в %)

Каким образом за последний год изменилось ваше финансовое положение?	В среднем	Мужчины	Женщины
Осталось без изменений	32,2	38,8	28,4
Улучшилось	8,4	10,3	6,7
Ухудшилось	55,2	50,0	59,7
Затрудняюсь ответить	3,2	0,9	5,2

Источник: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

Таблица 4

Оценка изменения психологического здоровья за прошедший год (в %)

Каким образом за последний год изменилось ваше психологическое здоровье?	В среднем	Мужчины	Женщины
Осталось без изменений	35,2	42,2	29,1
Улучшилось	6,4	9,5	3,7
Ухудшилось	53,2	42,2	62,7
Затрудняюсь ответить	5,2	6,0	4,5

Источник: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

Результаты исследования, демонстрирующие серьезные гендерные различия в оценках, подводят нас к вопросам о том, как гендерный фрейм вынуждает людей реагировать на сложные социально-экономические и социально-политические процессы по-разному. Отсюда возникает разница в формировании протестного поведения, как социальной структуризации, где почти всегда гендер работает, как фоновая идентичность [12].

Для российских мужчин архетип подозрительного актора в значительной мере более характерен, чем для женщин, что подтверждается полученными данными. Именно поэтому нарастание недоверия идет у них значительно медленнее. Фактически оно формирует последовательную политическую позицию и становится темой для общения на основе осужде-

ния тех или иных действий власти. Однако, мужчины объединяются долго и сложно; на акции протеста они выходят, скорее, чтобы продемонстрировать свое мнение, выбросить накопившийся тестостерон, а не солидаризироваться. Женщины же, напротив, склонны к солидаризации вокруг того, кому доверяют. Яркий пример тому акция «Цепь солидарности и любви», которая прошла в Москве и Санкт-Петербурге в День Влюбленных (14.02.2021). Сам принцип и цель проведения мероприятия – выражение солидарности с женщинами, которые подвергаются преследованиям за оппозиционную деятельность, и поддержка оппозиционного активиста Алексея Навального⁴.

⁴ Фохт, Е., Пушкарская, А. «Любовь сильнее страха». Женщины в Москве и Петербурге выстроились в цепь солидарности // Русская служба Би-би-си. 14 февраля 2021. URL: <https://u.to/W2AcGw> (дата обращения 15.02.2021).

В обществе принято судить о поведении других. Такого рода суждения основаны на институализированных социально-культурных правилах поведения и традициях восприятия понятий, что такое «правильно» и «не правильно» в рамках гендерных представлений о различиях и неравенстве. Так, женщин обычно осуждают, если они ведут себя слишком властно, а мужчин за уступчивость и эмоциональную слабость [13]. Уступчивость и эмоциональная слабость характерна для женщин, что их и объединяет, делая мощной силой сопротивления той ситуации, которая их не устраивает. Примером может служить поведение женщин на акциях протеста в Белоруссии. Женщины одевали белые платья, как символ чистоты своих намерений, и с цветами, что символизирует красоту и нежность, стали выходить на акции протеста, чтобы подчеркнуть их мирный характер. Они становились в кольцо вокруг мужчин, чтобы спасти их от задержания⁵.

Очевидно, что гендерная мотивация протестного поведения отличается. Мужчины временно объединяются в борьбе за власть из позиции недоверия и подозрительности. Женщины временно объединяются из позиции защиты того, кому доверяют от тех, кому не доверяют.

Таким образом, наше исследование подтвердило выводы британской исследовательницы гендерных отношений Сесилии Риджуэй, что, будучи фоновой идентичностью, гендер обычно смещает поведенческие паттерны во имя более конкретных, заранее определённых социальных

установок и архетипических ролей или идентичностей [14]. Мы также получили подтверждение её предположениям относительно того, что фоновый гендерный фрейм является первичным механизмом, посредством которого изменение системных факторов (экономические, социальные, культурные, институциональные и средовые) влечет за собой нарастающие социально-психологические эффекты, обусловленные культурой доверия или недоверия. Эти изменения приводят к последовательному, циклическому давлению, требующему корректировки диспозиций, которые существуют в обществе между мужчинами и женщинами. В этой ситуации мы видим, какие системные факторы позволяют фоновому гендерному фрейму стать важной частью процесса, посредством которого люди выполняют свои социальные и институциональные роли, определенные культурными особенностями территории событий. Учёные, такие как Патриция Мартин, продемонстрировали нам убедительные примеры этого процесса [15]. Мы же, со своей стороны, в данной статье подтвердили их актуальность на примере российской действительности.

Возвращаясь к социально-психологическому состоянию женщин в Санкт-Петербурге, хотелось отдельно отметить, что недоверие к местным региональным властям здесь за время пандемии и непопулярных карантинных мероприятий питерской власти очень серьёзно возросло. Если сравнивать с исследованиями прошлых лет, то традиционно в России недовольство и, как следствие, недоверие федеральным властям было гораздо выше, чем местным и региональным [16]. Изменение ситуации, особенно среди женщин, является

⁵ Кейнер, Д., Козенко, А. Просто надели белые платья и взяли цветы. Почему главной силой белорусских протестов стали женщины // Русская служба Би-би-си. 25 декабря 2020. URL: <https://u.to/3WEcGw> (дата обращения 09.02.2021).

следствием того, что большинство тягот самоизоляции: дистанционное обучение детей, заключение семей в четырёх стенах, переход на дистанционную работу, уменьшение финансовых потоков, необходимость поддержания жизнедеятельности всей семьи, увеличение нагрузки на бытовом уровне – легли на плечи женщин. Если прибавить к этому минимальную поддержку властей, информационное и психологическое давление, повлёкшие серьёзное ухудшение социально-психологического состояния, то становятся понятными истоки изменения уровня

недоверия именно местным властям и вся глубина ситуации.

В качестве выводов и рекомендаций для изменения ситуации и снижения напряжённости, нами предлагается обратить внимание властей на проблему, а также всю серьёзность возможных последствий и направить все возможные усилия на адресную поддержку женщин, улучшение их социально-психологического состояния. Разработка ряда поддерживающих мероприятий для улучшения положения, психологической и социальной помощи и реабилитации особо пострадавших слоёв населения.

Библиографический список

1. Великая, Н. М. Оценки эффективности деятельности органов местной власти: Методология и методика / Н. М. Великая, А. Н. Мусеева // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 1 (65). С. 55-64. DOI: 10.35775/PSI.2021.65.1.005.
2. Вершинин, С. Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2007. №. 7. С.61–74.
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
4. Вершинин, С. Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2001. № 2. С. 58-72.
5. Заболотная, Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН, серия: социология. 2003. № 4-5. С. 79-85.
6. Перес, К. К. Невидимые женщины. Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных / Пер В. Башкировой. М. : Альпина Паблишер. 2020. 496 с. ISBN 978-5-9614-3762-1.
7. Пушкарева, Н. «Близится революция, созвучная пролетарской»: Россия до и после 1917-го года как полигон конструирования новой сексуальной культуры // Revue des etudes slaves. 2019. № 1-2. С. 125-139. DOI: <https://doi.org/10.4000/res.2826>.
8. Троцкий, Л. История русской революции. М. : Терра, Республика, 1997. 1184 с. ISBN 5-3000-1359-5.
9. Sorokin, P. Leaves from a Russian diary and thirty years after. Boston, 1950. 346 p.
10. Венгеров, А. Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 49-63.
11. Козлова, Т. З. Социально-психологическое самочувствие россиян по возрастным группам // Власть. 2018. Т. 26, № 5. С. 118-125. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5832.
12. Ridgeway, C. L., Correll, Sh. J. Unpacking the gender system: A theoretical perspective on gender beliefs and social relations // Gender & Society. 2004. Vol. 18, № 4. P. 510-531. DOI: 10.1177/0891243204265269.
13. Ridgeway, C. L., Smith-Lovin, L. The gender system and interaction // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25. P. 191-216. DOI: 10.1146/annurev.soc.25.1.191.

14. *Ridgeway, C. L.* Framed Before We Know It: How Gender Shapes Social Relations // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23, № 2. P. 145-160. DOI: 10.1177/0891243208330313.

15. *Martin, P. Y.* «Said and done» versus «saying and doing»: Gendering practices, practicing gender at work // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17, № 3. P. 342-366. DOI: 10.1177/0891243203251716.

16. *Великая, Н. М.* Динамика партийно-политических ориентаций: между лояльностью власти и кризисом легитимности / *Н. М. Великая, А. В. Дорошина* // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы науч.-практич. конф. (Москва, 10 декабря 2020 г.). М. : ФНИСЦ РАН, 2020. С. 9-20. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020.

Дата поступления в редакцию: 15.02.2021.

Принята к печати: 26.02.2021.

Сведения об авторе:

Лазукина Александра Олеговна, соискатель,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
e-mail: lexara@yandex.ru
AutorID РИНЦ: 748591

A. O. Lazukina¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

TRUST IN GOVERNMENT DURING THE PANDEMIC: GENDER ASPECT

Annotation. The article examines the differences in the choice of behavioral patterns based on social trust and distrust of men and women. The essence of the problem under consideration is that so far few researchers have studied mistrust as a phenomenon characteristic of Russians, and practically no one has considered the difference in the character of trust / distrust for men and women and the influence of these indicators on the level of socio-psychological well-being of the population and, as a consequence, on social tension in society, if we consider this problem in terms of trust and distrust to the authorities. Here are the studies that were conducted in December 2020 in the city of St. Petersburg, regarding these issues.

A study of changes in trust showed that in the northern capital of Russia, the level of mistrust for the federal government among women increased much more than among men, and a small excursion into history and analogies with revolutionary situations of the past make one think about the stability of the current system and the need for the authorities to make serious efforts to resolve an explosive situation. This situation is especially evident in St. Petersburg, because the unpopular actions of local authorities during the pandemic created the prerequisites for the fact that it was on the shoulders of women that the main burden fell, when it was necessary to actually independently educate children, continue to work in new conditions and practically fully support the life of the whole family in harsh conditions of isolation and psychological and informational pressure.

Analyzing the research data and the situation in general, this article concludes that in the current difficult conditions the authorities should pay more attention to the position of women and increase targeted support measures to improve the socio-psychological well-being of the population.

Keywords: trust, distrust, motives of association, protest behavior, gender, gender frame, political space, protest behavior, socio-psychological well-being of the population.

For citation: Lazukina A. O. (2021) Trust in government during the pandemic: gender aspect. Science. Culture. Society. Vol. 27, № 1. P. 33-44. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.3

References

1. Velikaja N. M., Moisejeva A. N. (2021). Evaluating the effectiveness of local authorities: Methodology and methodology. *Voprosy politologii*. 2021. Vol. 11, No 1 (65). P. 55-64. (In Russ.).
2. Vershinin S. E. (2007). Social distrust: analysis paradigms, sources, functions (to the problem statement). *Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. Issue 7. P. 61–74. (In Russ.).
3. *Filosofskii ehntsiklopedicheskii slovar'*. (1983). [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Ed. by L. F. Il'ichev. M. : Sov. Ehntsiklopediya publ. 839 p. (In Russ.).
4. Vershinin S. E. (2001). The phenomenon of mistrust in the context of post-Soviet society. *Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. No 2. P. 58-72. (In Russ.).
5. Zabolotnaja G. M. (2003). The phenomenon of trust and its social functions. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhy Narodov. Seriya: Sociologija. Russian Journal of Sociology*. No 4-5. P. 79-85. (In Russ.).
6. Perez C. C. (2020). *Invisible Women: Exposing Data Bias in a World Designed for Men*. [Russ. ed: Nevidimye zhenshchiny. Pochemu my zhivem v mire, udobnom tol'ko dlya muzhchin. Neravnopravie, osnovannoe na dannykh]. Transl. by V. Bashkirova. M. : Alpina Publ. 496 p. ISBN 978-5-9614-3762-1 (In Russ.).
7. Pushkareva N. (2019). A Revolution is coming that Echoes the Proletarian. Russia before and after 1917 and the Construction of a new Sexual Culture. *Revue des etudes slaves*. No 1-2. P. 125-139. DOI: <https://doi.org/10.4000/res.2826>. (In Russ.).
8. Trotskij L. (1997). *Istoriya russkoi revolyutsii*. [History of the Russian Revolution]. M. : Terra, Republic. P. 1184. ISBN 5-3000-1359-5 (In Russ.).
9. Sorokin P. (1950). *Leaves from a Russian Diary*. Boston. P. 3. (In Eng.).
10. Vengerov A. B. (1992). Political space and political time (Experience of structuring concepts). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No 6. P. 49-63. (In Russ.).
11. Kozlova T. Z. (2018). Social and psychological well-being of Russians by age groups. *Vlast'*. Vol. 26, No 5. P. 118-125. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5832. (In Russ.).
12. Ridgeway C. L., Correll Sh. J. (2004). Unpacking the gender system: A theoretical perspective on gender beliefs and social relations. *Gender & Society*. Vol. 18, No 4. P. 510-531. DOI: 10.1177/0891243204265269. (In Eng.).
13. Ridgeway C. L., Smith-Lovin L. (1999). The gender system and interaction. *Annual Review of Sociology*. Vol. 25. P. 191-216. DOI: 10.1146/annurev.soc.25.1.191. (In Eng.).
14. Ridgeway C. L. (2009). Framed before we know it: How gender shapes social relations. *Gender & Society*. Vol. 23, No 2. P. 145-160. DOI: 10.1177/0891243208330313. (In Eng.).
15. Martin P. Y. (2003) "Said and done" versus "saying and doing": Gendering practices, practicing gender at work. *Gender & Society*. Vol. 17, No 3. P. 342-366. DOI: 10.1177/0891243203251716. (In Eng.).
16. Velikaya N. M., Doroshina A. V. (2020). Dinamika partiino-politicheskikh orientatsii: mezhdou loyal'nost'yu vlasti i krizisom legitimnosti. *Rossiiskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v 2020 godu: realizatsiya natsional'nykh proektov v usloviyakh post-pandemicheskoi real'nosti: materialy nauch.-praktich. konf.* [The second December socio-political readings "How are you, Russia?" Russian welfare state and civil society in 2020: implementation of national projects in a post-pandemic reality]. M. : FNISTS RAN publ. P. 9-20. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020. (In Russ.).

The article was submitted on February 15, 2021.

Accepted on February 26, 2021.

Information about the author

Alexandra O. Lazukina, applicant,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.
e-mail: lexara@yandex.ru